

22.11.98

Любимов Юрий

Т Е А Т Р

Пробуждение Шарлотты Корде

Юрий Любимов поставил спектакль «Маркиз де Сад» и перед премьерой показал его специально приглашенной публике.

«**П**роснись, Шарлотта!» — скандирует массовка под оглушительную чечетку на подбитых железом каблуках. Шарлотта — это Шарлотта Корде, убившая Марата, вернее, страдающая сонными припадками психбольная, которая исполняет эту роль в спектакле маркиза де Сада, тоже пациента психиатрической лечебницы в Шантаноне. За несколько дней до премьеры Театра на Таганке знаменитой пьесы Петера Вайса «Марат-Сад» Юрий Любимов вместе с Институтом Гете устроил редкое еще для Москвы зрелище, назвав его «превью», когда общественность, знакомясь с будущим спектаклем, имеет возможность пообщаться с его создателями.

Все, впрочем, сидят, как на премьер, и благоговейно внимают расска-

зу мэтра о том, что прежний режим ему эту постановку запретил, а нынешнему все равно, он «безразличен ко всем: и к вам, и ко мне». Сам Юрий Петрович по-прежнему ошеломляюще страстен и в неприязни революции (о чем пьеса), и в восприятии собственной работы. Его выразительное лицо с горящими глазами — одно из самых сильных впечатлений вечера.

Пародия на кровавый беспредел термидора могла захватить зал именно в те времена, когда Любимову пьесу Вайса запретили, сегодня политический театр выглядит анахронизмом. Но мастер действительно долгие годы

Юрий Любимов во время «превью»

КИРИЛЛ КАЛЛИНИКОВ

мечтал ее поставить: количество режиссуры, причем лучшей любимовской режиссуры, ставшей сегодня мировой классикой, на единицу сценического времени здесь чрезвычайно велико. Старая актерская гвардия (Валерий Золотухин — маркиз де Сад, Феликс Антипов — Кульмье, врач) не без труда справляется с тем, что надо одновременно петь, танцевать, дефилировать по узенькому помосту где-то под самыми колосниками и лихо спускаться оттуда по канату, произнося при этом сложнейший текст.

Молодые азартно делают все, что велено: Ирина Линдт — Шарлотта играет на скрипке, участвует в сложном акробатическом трио, ходит с лонжей по верху решетки, отделяющей зрителей от сумасшедших артистов. Ритм невероятный, как в лучшие любимовские времена, саксофон заглушает клавишин, и наоборот, ансамбль Дмитрия Покровского причитает истошно, и театральное действие почти забывает пьесу. Во всяком случае реплики типа «Мы не против

ломки, но надо подстелить соломки», рассчитанные на горячее сочувствие зала, теряются в атмосфере фантазмагории, которую успели позабыть даже поклонники Таганки.

Я понимаю, почему Любимов согласился на встречу перед премьерой: ему удался «Марат-Сад». Восьмидесятилетний мастер показал, что он в прекрасной форме, его темпераменту можно только позавидовать и он верен тому, что любит. Любит Вайса за его ненависть к политике и политикам как таковым, без различий. Любит театр — громкий, дерзкий, перенасыщенный образностью. Наверное, он скучает по своему зрителю, гораздо более активному, чем сегодняшний. Вопросы актерам никто не задавал, а на предложение Антипова «полечиться» у них в клинике зал промолчал. Зритель сегодня «вещь в себе», он закрыт и ироничен, но не может не оценить, хотя бы на генетическом уровне, то, что когда-то составляло славу любимого им театра.

Нина АГИШЕВА

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ — 1998. — 22 ноября. — с. 25.